

архивисты имели свои собственные, специфические ценности, методологии, теорию и особенно практику. SAA надлежало стать влиятельной, активной и эффективной силой в деле развития уникальной идентичности архивиста.

Таким образом, и создание нового объединенного комитета, и «дело Лоуенхейма» сделали еще более явным институциональный раскол, наметившийся между профессиональными историками и архивистами. Однако возмущение архивистов и вынесенное по делу решение также ясно показали, что, несмотря на междисциплинарные трения, SAA, АНА и ОАН разделяли взгляды на миссию архивов, которая, в числе прочего, заключалась в служении истории и в формировании исторического понимания. Уорнер подчеркивал, что, несмотря на разные профессиональные роли и идентичности, как историки, так и архивисты признают за архивами центральную роль в работе историка⁴⁴.

Новое архивное мышление

Вследствие широких обсуждений, имевших место в 1970-х годах, ощущение профессиональной исключительности в архивной среде только обострилось. На своих ежегодных встречах и на страницах специализированных журналов архивисты начали формировать новую концепцию профессиональной независимости, которая все дальше и дальше вводила природу и цели архивистики от потребностей историков. Эта независимая позиция не только обозначила более четкие границы профессиональной идентичности архивистов, но и способствовала переопределению их профессиональных ролей. Например, Ф. Джеральд Хэм — архивист Висконсина, защитивший также докторскую диссертацию по истории в Университете Кентукки, стал утверждать, что огромные массивы документации, поступающие в государственные и национальные хранилища, заставляют архивистов выходить за рамки их роли «стражей» прошлого, обслуживающих нужды истории. Резкое увеличение объемов документов требовало, чтобы архивные процессы были направлены не на сохранение документов, а, скорее, на сокращение их количества. Другими словами, именно архивисты вынуждены были принимать решения, уничтожать или хранить документы.

Поэтому Хэм призывал архивистов изучать новые технологии хранения информации, изобретать комплексные подходы к оценке материалов и новые системы определения сроков хранения и передачи

материалов в архивы, а также решать проблемы, связанные с «правом народа знать правду» и с другими законами о конфиденциальных данных. В целом же Хэм стоял за радикальный интервенционизм, в рамках которого задачи архивиста определялись не какими бы то ни было историческими соображениями, а исключительно планом — архивным по сути и разработанным сугубо для удовлетворения потребностей архивного менеджмента⁴⁵.

Неудивительно, что позиция Хэма вызвала споры в архивном сообществе. Полемизируя с Хэмом, Фрэнк Г. Бёрк (*Frank G. Burke*), специалист Национального архива США по информационному поиску, бывший глава отдела рукописей Библиотеки конгресса, тоже имевший степень доктора истории, выступал за сохранение историко-ориентированного подхода в архивистике. По его мнению, архивы и вверенные им документы следовало понимать в контексте сообществ, создавших эти документы, несмотря на резкое увеличение объемов фондов. Хотя Бёрк был одним из первых администраторов Национального архива, который ратовал за применение новых технологий для хранения и поиска информации; делал он это, в отличие от Хэма, четко ориентируясь на исторический и социологический аспекты. «Что в природе общества заставляет его создавать документы, которые оно создает?» — такой вопрос, по мысли Бёрка, должны задавать себе архивисты. «Каковы социологические аспекты управления документами, какова природа истории, исторического факта и исторического образа мышления?» И, наконец, должны ли эти вопросы влиять на процесс оценки документов⁴⁶?

Бёрк считал, что архивисты должны концентрироваться на этих теоретических и аналитических проблемах, дабы подготовленные ими архивные собрания могли осветить прошлое. Отправной точкой Бёрк избрал концепцию, которая и подвергалась критике, а именно: по своей сути, считал Бёрк, архивный менеджмент входил в тот же ряд социальных интересов и потребностей, что и сама история. Фактически Бёрк указывал в направлении нового архивного историцизма. Он настаивал на том, чтобы архивисты интегрировали историческое понимание в фундамент любой новой архивной теории. Хэм же, напротив, провозгласил конец «режимной» эры для архивов: вместо того чтобы думать об истории, архивистам следовало сосредоточиться на крайне сложных технических вопросах управления документацией, хранения, отбора и описания, отбросив историографические понятия на периферию интересов.

Эти споры затем обострились еще сильнее вследствие резких изменений в политиках, связанных с бумагами официальных лиц

в деле о документах Пентагона⁴⁷ и об Уотергейте⁴⁸. Оба скандала затрагивали проблемы, находившиеся в центре дебатов об управлении архивами. Какие материалы архивы должны собирать и сохранять, и когда (и кому) следует предоставлять к ним доступ? Как и кем, по сути, должны приниматься такие решения? Для большинства историков центральными проблемами в обоих случаях стали доступ к «полной» исторической информации и отношения между архивной политикой конфиденциальности и целостностью демократического государства. Большинству же архивистов, особенно тем из них, кого убедил новый подход Хэма к управлению документами, эти обсуждения о расширении архивных политик казались наивными. Для них задача заключалась в том, чтобы найти эффективные способы справиться с трудноразрешимой проблемой количества поступающих материалов.

Дистанция между архивной и исторической дисциплинами только увеличивалась, и неудивительно, что позиции Хэма и Бёрка и бурные дебаты в архивных журналах не привлекли особого внимания историков, которые продолжали считать, что отношения между архивами и историческим знанием были и должны быть «под управлением истории». Они все так же придерживались «режимной» модели, которую архивисты теперь отвергали как устаревшую. Хотя историки в какой-то степени и стремились понять новые проблемы, вставшие перед архивистикой, те представлялись им по большей части техническими, организационными и, вообще, весьма скучными — одним словом, далекими от границ исторической науки и академических интересов.

Возможно, по этой причине голос известного историка вызвал столь сильную реакцию в среде архивистов. В язвительном обзоре вопроса в журнале «Американский архивист» Лестер Дж. Кэппон (*Lester J. Cappon*), редактор переписки Адамса и Джефферсона⁴⁹ и научный сотрудник библиотеки Ньюберри в Чикаго, открыто высмеял историзм Бёрка. В высокомерном тоне, который отнюдь не располагал к себе читателей, Кэппон настаивал на том, что теоретические выкладки Бёрка являются сугубо «компетенцией этого историка» и не имеют никакого отношения к архивистике. История, по его мнению, была и остается «тем, что делают историки», и не заслуживала внимания архивистов. Ссылаясь на Хилари Дженкинсона, классического защитника «режимного» подхода к архивам, Кэппон заявил, что «архивы были созданы не в интересах потомков и не к их сведению». Они всего лишь хранят документы, которые институты или частные лица захотели сохранить, и должны делать это «беспристрастно»,

оберегая их «аутентичность». Эти две характеристики и представляли главную ценность для архивистов. Документы должны были «говорить правду». Исторические же задачи могли лишь «скомпрометировать статус архивистики как отдельной дисциплины, главный принцип которой — обеспечивать целостность документов»⁵⁰. Иными словами, это была современная версия уже изрядно обветшавших к тому времени представлений Дженкинсона об ученом-историке, которому пассивно помогает «объективный» архивист, озабоченный лишь сохранением «аутентичной» документации.

Выпады Кэппона, однако, не привели к доминированию идей Дженкинсона, чьи понятия об объективности архивиста опирались на безоговорочное принятие историками того факта, что именно хранители получали, каталогизировали и берегли материалы, которые посылала им «история». Реакционная позиция Кэппона не учитывала коренным образом изменившийся контекст, на который отвечали Хэм и Бёрк⁵¹. И хотя потребность в определенном восприятии исторической составляющей по-прежнему была неотъемлемой частью профессионального образа мышления архивного сообщества, архивисты постепенно склонялись к точке зрения Хэма. Они полагали, что их главным приоритетом является выработка эффективных принципов и стратегий для формирования нового архивного подхода, который неизбежно приобрел интервенционистский, а не «режимный» характер, — подхода, угрожавшего отодвинуть историографические авторитеты еще дальше на периферию⁵².

Как ясно показали многочисленные работы по этому вопросу, ощущение необходимости перемен сложилось в архивном сообществе в результате трех факторов: трудноразрешимой проблемы роста документооборота, значительного расширения круга клиентов архивов и изменений в среде частных архивов.

Рост документооборота: неразрешимая проблема

К концу 1970-х годов американские архивисты, наряду с коллегами из других стран, признали практическую невозможность сохранять то огромное количество разнородных материалов, которые общества теперь выдавали на-гора, описывая самих себя. Для такой массы бумаг просто физически не хватало места. Должностные лица и государственные служащие производили все больше и больше документов. Эверет Дирксен (*Everett Dirksen*) за свои восемнадцать лет в Сенате США написал более 85 погонных метров текста, а за